

Ольга КАЙМАК

*п. Белярский
Свердловской области***НАИБКОВОК**
повесть

1

— Ну что, Сикорский, у тебя новое за-
дание. Нужно ехать.

Главный редактор районной газеты «Жизнь и Слово» сообщил эту новость, не отрываясь от своей работы. Он перебирал «редакторский запас» статей и заметок, кучей набросанных на его рабочем столе, сортируя их по ровным стопочкам, и при этом потягивал горячий чай с лимоном из граненого стакана.

Сикорский молчал и не уходил.

Заметив это, Кисель — так за глаза сотрудники любовно называли главреда, ведь фамилия соответствовала — Киселев, — приподняв очки на лоб, с едва заметной ухмылкой в упор уставился на Сикорского.

— Ты еще здесь? Учти, «амнистии» не будет. А материал срочный — в ближайший номер.

— Ехать-то куда? — понимая, что откосить от командировки не удастся, спросил Сикорский.

— Не очень далеко — в село Лукошкино нашей родной Владимирской области. Тебя там уже ждут.

— Срочно в номер про надои и проценты? — Сикорский не любил производственную тематику.

— Нет, дорогой. На этот раз исключительно по твоим пристрастиям. О хороших людях нужно рассказать. Ну, как ты умеешь. Всё, в дорогу. У меня — дела, а у тебя — сроки, — и Кисель, натянув очки на переносицу, вновь принялся за свои бумаги.

Городской автовокзал, на удивление, был почти безлюден. Повезло. Нужного рейса не пришлось долго ждать: отправление автобуса объявили через десять минут после покупки билета. Поудобнее усевшись у окна в полупустом салоне автобуса, Сикорский достал из потертого портфеля, с которым не расставался последние лет семь, врученный ему Киселем тетрадный листок — источник нужной информации. Текста было совсем немного, но что-то внутри подсказывало Сикорскому: поездка будет интересной.

— Вот и проверишь свою хваленую интуицию, Сашок, — тихонько хохотнул сам над собой

Сикорский и инстинктивно огляделся по сторонам, осознав, что его «сугубо индивидуальный диалог» со стороны выглядит, мягко говоря, неоднозначно.

А тут весьма своевременно прозвучало объявление об отправлении. Пожилой водитель, попросившись со строгой контролершей, на посадке проверившей у немногочисленных пассажиров билеты, забрался в кабину и завел мотор.

2

Старенький автобус слегка потряхивало на проселочной дороге, куда он свернул с шоссе уже через полчаса пути. До пункта назначения оставалось еще минут сорок, и Сикорский приспустил оконный блок, сосредоточившись на пейзаже. Впереди — река. На противоположном берегу сквозь туман, нависший над водной гладью, сказочным призраком выглядит очередная деревенька, каких встречалось уже немало. Автобус затормозил: на мосту встречное движение.

Сикорский высунулся из окна, пытаясь понять, из-за чего эта непредвиденная остановка, и замер от восторга.

Деревенское утро. Всё просыпается. Лохматый туман липкими лапами цепляется за берег реки, лениво переползает через мост, а потом — дальше, на поляну. Почувяв простор, стелется во всю её ширь. Из густого туманного молока доносится тихий звон колокольчиков. Через минуту, переговариваясь на своем коровьем языке, стадо буренок, перегородившее движение, ненадолго выныривает наружу и вновь погружается в непроглядную туманную вату.

А следом баба, припозднившись, гонит через мост свою коровенку на пастбище, но та останавливается и, развернувшись, тычется хозяйке в живот теплым мокрым розовым носом. Баба, улыбнувшись, нежно треплет пеструю кормилицу за ушами. До Сикорского доносится ее ласковое, но громкое ворчание:

— Пошла, Глашка, пошла!

Их обгоняет рыбак. Попыхивая сигаркой, он на ходу проверяет леску, крючок, довольный результатом, спешит и тоже исчезает в тумане.

В природе — тишь. Лишь изредка доносится откуда-то то стрёкот проснувшихся кузнечиков, то одинокая трель пичуги, присевшей на ветку тополя-маяка, растущего чуть вдали от речного берега. Былинным богатырем выглядит дерево в неясных очертаниях утра. Ствол тонет в пуховом туманном убранстве, а едва различимая листва чуть заметно подрагивает, нежась в дуновениях легкого игривого ветерка.

Плавно выкатывается на горизонт огненный шар солнца. Туман съедается, отползает ниже, к самой зеркальной глади реки, неохотно обнажая берега, мост. Розовые заплата солнечный бликов разнообразят его облачно-белое полотно. Серебристыми нитями поблескивают кружева паутин, примостившихся прямо на перилах моста.

Неожиданно раздаётся радостный возглас рыбака: на леске извивается блестящая рыбина.

Пробегает стайка малышей. Ребятя с разбегу плюхается в воду. Визжа от удовольствия соприкосновения с мокрой прохладой, малыши распекают речную гладь умелыми ручонками.

Коровье стадо наконец «обтекает» автобус и медленно удаляется, сопровождая собственное движение тихим бряцаньем колокольчиков, привязанных к шеям некоторых буренок.

Из рваных остатков тумана вынырнул на мост торопливый встречный автомобиль, словно напоминая: «Поторопитесь, давно наступил трудовой день». Автобус продолжил движение, а Сикорский, впечатленный увиденным, мыслями возвратился в салон...

3

В администрации села Лукошкино гостяждали с раннего утра. Но в кабинет Грызловой, начальника управы, Сикорский постучал лишь около десяти часов. Открыл дверь, едва шагнул в кабинет.

И сразу раздалось громкое:

— Войдите!

Сикорский представился:

— Добрый день, я корреспондент районной газеты «Жизнь и Слово». Вот моё редакционное удостоверение, — он протянул синие корочки.

— Давно жду, — встав из-за массивного пись-

менного стола, стройная симпатичная молодая женщина подошла к гостю и внимательно прочитала предъявленный документ. Возвращая его владельцу, тоже представилась: — Ну что ж, Александр Михайлович, будем знакомы. Я, как теперь говорят, глава сельской управы Грызлова.

— Знаю, Анна Тимофеевна, — улыбнулся он.

— Готовился, значит? Это хорошо, — добродушно рассмеялась Грызлова.

— Готовился, конечно, но информации крайне мало. Поэтому про виновниц моего визита к вам практически ничего и не знаю. — Сикорский уже был сосредоточенно серьезен.

— Так скромницы они, наши Эрастовна с Ивановной. Односельчане настояли, чтобы мы в вашу газету обратились. Все так рады, что редакция откликнулась. Рады, что про Елену Ивановну Борисову и Элину Эрастовну Антакольскую наконец-то напишут. Они это давным-давно заслужили! — Грызлова призадумалась и, словно дивясь собственным мыслям, произнесла: — Как вы сказали: мало информации? И правда. Ведь они о себе никому толком не рассказывали. Жили, работали... Во дела!..

Сикорский кивнул, давая понять, что разъяснением удовлетворен, но деликатно поторопил:

— Ну что, формальности соблюдены. Мы идем?

— Конечно.

Они вышли из помещения управы и, неспешно беседуя, побрели по обычной, каких в России тысячи, сельской улице. Всё одинаково: стройные ряды деревянных и кирпичных домов с ухоженными палисадниками да разномастные скамейки у разноцветных оград.

В разгар рабочего дня село было почти безлюдным. Разве что пара старушек сидела поблизости, у местного сельпо, о чем-то оживленно беседуя, да три девочки лет десяти-двенадцати вяло играли в мяч на небольшой спортивной площадке.

Преодолев довольно длинное расстояние, Сикорский и Грызлова наконец подошли к ярко-зеленому аккуратному штaketнику, огораживающему небольшую усадьбу, в глубине которой в тени раскидистых яблонь полуспрятался аккуратный деревянный дом. Участок был обихожен. Здесь повсюду в каком-то не-

типично странном, хаотичном геометрическом разнообразии овощные и ягодные грядки соседствовали с огромным количеством роз. Других цветов не наблюдалось.

— Удивлены этой геометрией? — перехватывая взгляд Сикорского, улыбнувшись, спросила Грызлова.

— Э... необычно... весьма.

Их краткий диалог прервался неожиданным появлением двух спорящих друг с другом женщин. Обе, несмотря на весьма солидный возраст, сохранили следы былой красоты. Одна в юности была явно брюнеткой, хотя в красиво уложенной вокруг головы косе и преобладала седина. Она выглядела деловито и элегантно, пусть и одета была в скромное цветастое платье, которое ей очень шло. Другая женщина скрыла прическу под изящной соломенной шляпкой. Сикорский отметил про себя, что одежда ее хоть и проста на первый взгляд, но была идеально подобрана по фигуре и пошита из качественных тканей: светлая длинная блуза с короткими рукавами навыпуск и... джинсы.

Спорщицы были чрезмерно эмоциональны.

— А я считаю, сюда нужно посадить именно розовые кусты! — горячилась та, что в шляпке.

— Чего надумала, аристократка! Здесь я огурцы запланировала! Генка Силушкин мне уже рейки притащил, обещал их сколотить и установить, чтоб плети огуречные было куда закрепить.

Сикорский, указывая на спорящих женщин, спросил:

— Это они?

— Они, родимые. Ивановна да Эрастовна — подружки наискосок, — подтвердила Грызлова.

Сикорский удивился:

— Как это — наискосок?

— Да просто всё. Живут много лет вместе, но вечно спорят друг с другом.

— Ссорятся?

— Нет, что вы, они друг за дружку горой! Только попробуй кто Эрастовну обидеть — Ивановна со свету сживет! А за Ивановну Эрастовна всех насмерть замучит примерами хорошего поведения из классической литературы. Вы же слышали: она у нас аристократка! И не глядите, что им по многу лет, они крепкие. Одно слово — дети войны.

Сикорский, кивнув, хотел еще что-то спросить у Грызловой, но не успел. Оба вынужденно обернулись на внезапные хлопки в ладоши, доносившиеся с усадьбы. Это Эрастовна изящно, но в то же время громко аплодировала подруге, которая пыталась своими силами справиться с рейками, не дожидаясь, когда их установит некто Генка Силушкин. Со стороны всё выглядело довольно забавно, а старушки даже не замечали, что за ними наблюдают.

— Лена, прошу тебя, оставь это. Дождись Геннадия! — прекратив аплодисменты, уже примирительно попросила Эрастовна, но добавила тут же, мягко настаивая: — Я всё же считаю, что огурцы можно посадить в теплице. Это гуманнее в нашем переменчивом климате.

— А розы твои не померзнут, что ли? — тяжело дыша и возвращая рейки на место, вновь возразила Ивановна.

— Это морозостойкий сорт. Я специально выписывала.

— Всё равно тут им не место, твоим морозостойким! Здесь огурцы будут!

— Как ты не понимаешь, право...

Сикорский, понаблюдав за происходящим ещё немного, посмотрел на часы и, потрогав циферблат пальцами, дал понять своей сопровождающей, что время поджимает.

— Хватит спорить, подружки наискосок! Гостей встречайте! — громко прервала словесное состязание старушек Грызлова.

— Анечка, добрый день! — переключив внимание на пришедших, приветливо улыбнулась Эрастовна и, переведя взгляд с нее на Сикорского, чуточку кокетливо поинтересовалась: — Кого вы к нам привели?

— Нечего там стоять. Пошли в дом, вот и познакомимся! — распорядилась Ивановна, с неожиданной для ее почтенного возраста прытью поднимаясь по ступенькам крыльца.

Гости открыли калитку, вошли во двор и следом за хозяйками направились в небольшой пятистенок.

В светлой горнице было очень чисто и уютно. Обстановка простая, без изысков: стол, стулья, русская печь, посудный шкафчик в углу. На беленых стенах, вопреки ожиданиям Сикорского, никаких фотографий. На окнах — легкие кружев-

ные занавески. Плотные портьеры на входе в соседнюю комнату.

Гостей удобно рассадили за столом, молниеносно покрытом гостеприимными хозяйками старинной скатертью. «Почти самобранка», — подумал Сикорский, наблюдая, как скоро на ее белоснежной поверхности появились хрустальные вазочки с ароматным домашним печеньем, вишневым и клубничным вареньем, витиеватым блюдом с ванильными баранками. В завершение действия на стол установили белые чайные пары с изящными позолоченными ложечками и огромный цветастый чайник, наполненный благоухающим свежесваренными травами содержимым.

— Я приехал поговорить, чтобы написать о вас в нашу газету, — объяснил свой визит Сикорский.

— О, право, не знаю, стоит ли... Это так неожиданно, — смутилась Эрастовна.

Грызлова незаметно для старушек ткнула Сикорского в бок.

— Э... Прошу вас согласиться. Задание редакции. Не выполню — накажут, — попросил он.

— Пиши, милоч, пиши, — с едва заметной смешинкой в самых уголках красивых и в то же время пронизательных карих глаз, немного помолчав, разрешила Ивановна.

— Лена, — Эрастовна укоризненно посмотрела на подругу.

— Ладно, ладно, я так... Не буду больше, — примирительно отреагировала та, разливая по чашкам ароматный чай цвета шоколада.

Сикорский кивнул благодарно и, вооружившись блокнотом и несколькими карандашами, извлеченными из любимого портфеля, приготовился записывать.

— А почему у вас карандаши, ведь теперь и ручки шариковые есть, да и диктофоны. А карандаши... это же неудобно, — удивилась Грызлова.

— Печальный опыт. Еще в начале моей журналистской карьеры брал интервью у большого амбициозного начальника. Не поверите: ручка сломалась, диктофон почему-то ничего не записал — какой-то технический сбой случился. Спасибо моей отличной памяти, хоть она не подвела. Но намучался я тогда с текстом — никому не пожелаю! С тех пор вот так по старинке: блокнот и карандаши.

— Оно и надежнее, — поддержала Сикорского Ивановна и не удержалась от едкого комментария: — А начальничек-то, поди, прохиндей, раз даже техника отказала!

— Лена! — прошептала Эрастовна.

Сикорский, оценив реплику, улыбнулся и попросил:

— Начнем?

4

— **П**равильно в народе считается, будто жизнь словно река. Течет, то ускоряя, то замедляя свой бег. С бурными водоворотами та река и с тихими заводьями, с топкими омутами, с бездонной глубиной и мелководьем, а то и с удобными бродами... Разная жизнь... Но не угадать человеку, где предстоит ему бороться со стремительным течением, а где и когда вынесет на берег для передышки. Как и неведомо никому количество отведенных для заплыва лет. — Эрастовна, начав беседу первой, словно и не с гостями говорила, а сама с собой. Смотрела на них, а не видела. Но вот, вздохнув глубоко, «вернулась», тихо с горечью добавив: — И вода в той реке меняет свой цвет. То нежно-голубой поток, а то... кровавый.

— Как ни банально звучит, но верно и то, Эля: не войти в одну воду дважды, — добавила Ивановна.

И потекли воспоминания...

...Знакомы они были очень много лет. Обе родились в далеком тридцатом году прошлого века и до самой войны жили в Красногвардейске¹. Учились в одной школе, в одном классе и как-то сразу подружились, несмотря на то, что во время уроков сидели за разными партами. Лена — за самой первой в среднем ряду справа, а Эля — в том же ряду за второй партией, но слева. Получалось наискосок. Вот и прилипло к ним навсегда это — «подружки наискосок». Почему именно так, они догадывались: девочки не только вечно спорили друг с другом по пустякам, но и все, что делали, как-то независимо от них получалось наискосок.

Обе были красавицы. Обе обладали роскошными волосами. Но Лена — а теперь уже Елена

Ивановна Борисова — была энергичной яркой брюнеткой с очаровательными ямочками на щеках и всегда заплетала свою длинную густую непослушную копну в одну толстую косу. Эля же — Элина Эрастовна Антакольская — была блондинкой и любила плести две косы. Её шелковистые волосы блестели на солнце, создавая вокруг бледного лица с утонченными чертами некий ореол, отчего одноклассники ещё тогда, в далеком детстве, начали дразнить её аристократкой, и это прозвище тоже пристало на всю жизнь.

Вот такие разные «подружки наискосок» — с несхожими характерами и разным происхождением: Лена — из рабочей семьи, а родители Эли были филологами и преподавали в институте. Но дружили девочки по-настоящему. Они жили на соседних улицах недалеко друг от друга, поэтому общаться после уроков было и просто, и приятно.

Когда Лена уходила гулять, а мама, отец или старший брат спрашивали, куда идет, она весело отвечала: «В тот двор!» И домашние понимали: идет к Эле, жившей в элитном квартале города, где несколько старинных особняков, отданных властями под жилье, образовывали пространство, напоминающее общий двор. Местные ребятня и старушки из ближайших домов любили собираться здесь в любое время суток. Каждому находилось занятие, поскольку «тот двор» был оборудован и детской площадкой с деревянными песочницами и качелями, и многочисленными лавочками, предусмотрительно установленными повсюду рядом с ветвистыми деревьями.

Подруги любили проводить время не только «в том дворе», но и, мечтая о будущем, гулять по родному городу среди дворцовых ансамблей и старинных усадеб, бродить по аллеям роскошных парков.

Сикорский, примостив блокнот на колени, быстро и почти незаметно для своих собеседниц записывал их рассказ. Так он делал умышленно, интуитивно понимая, что любое неловкое либо громкое движение может помешать. Уж кому-кому, а ему-то было хорошо известно, что журналистская работа способна преподнести множество сюрпризов, порой неприятных, а иногда даже ставящих редакци-

онное задание на грань провала. Многолетний опыт в полной мере доказал ему правоту строк из некогда очень популярной песни про «трое суток шагать и не спать ради нескольких строчек в газете». Только одно дело — шагать, а другое — доверительная беседа.

Сикорскому вдруг припомнилось, как давным-давно ему, совсем зеленому выпускнику журфака, посчастливилось общаться с гуру местной журналистики Владленом Петровичем Измайловым. За глаза все называли его Мамонтом. Он и был немного похож на мамонта: под два метра ростом, плотный — косяк сажень в плечах. Густые волосы отчего-то почти всегда были взерошены.

— Что, опять шерсть дыбом? — иронизировал про себя Измайлов при встрече с коллегами.

Несмотря на свой экзотический облик, он был очень лёгок в общении, но и суров, когда дело касалось профессии.

— Никогда не забывайте о журналистской этике, Саша! И обязательно уважайте каждого своего собеседника, — делился он тогда с Сикорским.

— Не понимаю, при чем тут уважение, Владлен Петрович. Ну, беру я интервью у человека. Я же не знаю, какой он в повседневной жизни. Поговорили — разошлись.

— Если хорошо подготовитесь и правильно построите беседу, обязательно поймете. Человек вам доверился, значит, уже заслуживает уважения. А без этого ничего не получится. Мамонт знает, что говорит. — Измайлов весело подмигнул Сикорскому, давая понять, что его прозвище для него вовсе не секрет, и продолжил уже серьезно: — Ваш интервьюируемый может и не раскрыться перед вами, а чтобы статья получилась достойной, каждая мелочь важна. Научитесь не только слушать человека, но и слышать его. Это, уж поверьте старику, совсем непросто.

Измайлов помолчал немного, а потом тихо добавил:

— Саша, каков бы ваш собеседник ни был, вы — журналист, не судья. Никогда никого не осуждайте. Жизнь, знаете ли, штука непростая. А как к вашему герою отнесутся читатели, конечно, от вас во многом зависит, но только выводы-то они обязательно должны сделать сами.

Сикорский был благодарен и своему редакто-

ру, ведь именно с его легкой руки состоялось это знакомство.

«Впитывай, Сикорский. Мамонт... фу, Измайлов — мужик правильный. Он в своё время и меня многому научил», — напутствовал тогда Кисель.

И Сикорский впитывал. Он ещё несколько раз встречался с Измайловым до его кончины. Часто, уже поднабравшись опыта, пережив кучу нелепых ошибок, он не единожды вспоминал именно ту их первую встречу и мысленно благодарил Измайлова-Мамонта за его советы. Он научился слушать и слышать. Научился не осуждать и был уверен: именно поэтому любимой частью его работы стали для него редакционные задания, связанные с людьми, их судьбами, успехами и неудачами, горестями и радостями.

— Наше далёкое детство... Прекрасное, но и страшное было время, — беззвучно поставив чашку на блюдце, тихо произнесла Эрастовна и, обращаясь к подруге, спросила: — Лена, ты Маргаритку помнишь?

— Разве такое забудешь! — ответила Ивановна, быстро смахнув с морщинистой щеки слезу.

— Кто это — Маргаритка? — заинтригован Сикорский.

— Тяжело такое вспоминать, Александр Михайлович, — взяв в руки чайную ложечку и постукивая ею по блюдцу, ответила Эрастовна.

— Успокойся и не бренчи так. Ещё аристократка! — по-доброму проворчала на подругу Ивановна.

— Я спокойна, Лена, спокойна. Не волнуйся! — Эрастовна вернула ложечку на блюдце и, заметно нервничая, спросила у Грызловой: — Анечка, вы уверены, что наши вот эти воспоминания кому-то нужны?

— Дорогие вы мои, мы же про вас, как оказалось, ничегошеньки не знаем! Очень важно всё это и для молодежи, и для остальных. Рассказывайте! — осторожно положила руку на плечо Ивановне, сидящей к ней поближе, попросила Грызлова.

— Не переживайте, пожалуйста! Я постараюсь максимально точно передать читателям ваш рассказ. И ваши воспоминания действительно важны, — поддержал её Сикорский.

«Подружки наискосок» окончательно сдались, доверившись гостям. Рассказали, как в далеком 1938 году в одном из домов, расположенных «в том дворе», жила немецкая семья.

— Глава семьи был инженером каким-то, а его жена — машинисткой в местной администрации. Маргаритка — это их дочь, ей в то время было то ли три, то ли четыре годочка, я уж и не помню, — начала Ивановна.

— Четыре года, — уточнила Эрастовна, печально добавив: — Замечательные люди были... Вежливые, интеллигентные...

Женщины, посмотрев друг на друга, тяжело вздохнули.

— Странное чувство, словно всё произошло только вчера. — Эрастовна поморщилась и прижала левую руку к сердцу. — О-ох...

— Говорила же, не волнуйся! Вот ты, как всегда, наискосок! — заругалась Ивановна.

Вскочив со стула так быстро, что гости от удивления только рты открыли, она проворнее юной девушки убежала в соседнюю комнату, оттуда возвратилась с пузырьком сердечной микстуры.

— Прими немедленно! — Командный тон Ивановны, которым это было сказано, не давал ни малейшего шанса на слушание, и Эрастовна покорно выпила лекарство.

— Извините, — слабо улыбнулась она.

Ивановна тоже накапала себе в чашку с водой несколько капель, залпом выпила содержимое.

— Давайте прервёмся! Может, доктора позовем? — запереживала за старушек Грызлова.

— Не нужно... Ох... Отпустило! — выдохнула Эрастовна, виновато улыбнувшись. — Всё хорошо, Анечка, всё хорошо!

— Я... невольная причина ваших волнений, извините... Возможно, стоит приехать в другой раз? — запереживал и Сикорский.

— Эх-ха... И правда, отпустило... Другого-то раза может и не быть, милоч. Уж не по восемнадцать лет нам. Да ты не расстраивайся, родимый! Мы ведь и без тебя, бывает, сядем вечерком, чайку нальем да вспоминаем, вспоминаем! И поплачем, и посмеемся, и капелек сердечных хлебнём... Так что не суетись! Шчас... ещё поговорим, — наконец раздышавшись, распорядилась Ивановна и пристально посмотрела на подругу. — Эля, ты, что ли, дорасскажешь?

— Давай ты, Лена.

— Ну и ладно. Дело так было... — восстановив дыхание, продолжила Ивановна. — То ли позавидовал кто этой семье, или другая какая причина — мы не знаем, сами же еще несмышленишнами были, всего по восемь лет нам тогда стукнуло... Только однажды ночью въехал в тот двор черный воронок. Хоть и тихо въехал, но народ услышал. Потому как всю семью заграбастали...

— Арестовали? — переспросил Сикорский.

— Арестовали, милоч. Женщина... ну, жена инженера... громко кричала, прямо убивалась. Это оттого, что Маргаритки в тот момент дома не было. Она девчушка хорошенькая была: голубоглазая, с кудряшками до плеч, реснички пушистые, бровки как нарисованные... Мы с ней возились всегда, играли. Вот и в тот памятный вечер она у нас дома была, потому что её родители допоздна на работе задержались, — вспоминала Ивановна, изредка прерывая рассказ тяжёлыми вздохами. — Эля от нас тогда уже домой убежала, а Маргаритка заснула на моем диване. Инженер с женой, когда за дочкой-то пришли, не стали её тревожить, ведь малышка так сладко спала. Да частенько случалось, что она у нас ночевала... Ну, так я и говорю: при аресте мама Маргариткина сильно маялась, что дочку никогда не увидит больше, вот и голосила. Целый квартал всполошился. Народ во двор высыпал, с соседних улиц люди пришли. И Эля с родителями прибежала. Перестала женщина плакать, только когда ей муж что-то на немецком сказал. Один из воронка за это его так сильно саданул по лицу, что даже с ног сбил. Из носа кровь сильно потекла. Жуть! А второй пошёл в дом, перерыл всю их квартиру, злой вернулся, и уже вдвоем они усадили арестованных в машину. Увезли. Куда — не знаем. Но больше мы их не встречали никогда. Нам много позже Элин отец перевёл, что тот инженер жене говорил: радовался, что дочери дома нет, что цела останется, и просил не кричать, чтобы девочка мать не услышала и не прибежала.

— Да, мой папа хорошо знал немецкий, — подтвердила Эрастовна.

Старушки замолчали. Они словно вернулись в то страшное время.

— С Маргариткой что случилось? — прервав затянувшуюся паузу, спросила Грызлова, опередив своим вопросом Сикорского.

— А что тогда со многими случилось? Несколько дней спустя воронок вернулся в наш двор. Эти же двое конвойных квартиру арестованных опечатали. И стали расспрашивать жителей про Маргаритку. Люди хоть и боялись очень, только никто ничего им не сказал. Ни с чем они уехали... — вновь горько вздохнула Эрастовна.

— Никто и не знал, что девочка у нас пряталась, — продолжила Ивановна, было видно, как тяжело давался ей этот рассказ. — Хоть и малышкой Маргаритка была, а смышлёная. Всё понимала и после случившегося уже даже как-то старше казалась. Через пару недель после тех страшных событий приехал к нам мужчина... Не знаю, откуда он узнал. Ночью приехал. Это был брат того инженера. Он и забрал с собой нашу Маргаритку. С тех пор о её судьбе мы ничего не слышали. А вот о её родителях слух ходил, что расстреляли их...

Все на некоторое время замолчали. Тишину нарушало лишь тиканье старого синего будильника, стоявшего на посудном шкафчике у самой стены. «Тик-так... Тик-так... Так... — размеренно и настойчиво подтверждал слова хозяек этот издававший виды хранитель времени. — Так... так...»

— Какая жуткая история! — наконец прервал молчание Сикорский.

— Не история это, милок, а жизнь наша, — возразила Ивановна и тихо добавила: — Мы ведь тогда думали, наивные, что страшнее уже ничего и быть не может. Ошибались...

Вновь возникло тягостное молчание, которое через несколько минут прервала уже Грызлова:

— Дорогие наши, а дальше-то как ваша жизнь складывалась?

И старушки снова предались воспоминаниям. Рассказали, как общались и дружили, когда в их судьбы, как и в судьбы множества людей, нагло вторглось, ворвалось страшное слово «война» и обычный летний день 22 июня 1941 года безжалостно и необратимо разделил их жизни, как и жизни миллионов людей, на «до» и «после».

— Продолжим? — осторожно спросил Сикорский, переживая из-за того, как непросто даётся этот разговор его собеседницам.

Но те словно и не слышали. Прикрыв глаза, молчали. Молчала и Грызлова. Она пристально вглядывалась в старушек, переводя беспокойный взгляд с одной на другую. Посмотрела и на Сикорского, мимикой давая ему понять, чтобы не торопился.

— Как это странно, — не поднимая век, первой заговорила Эрастовна.

— Что странно, Эля? — «ожил» и с беспокойством посмотрела на неё Ивановна.

— Мне о чём подумалось, Лена... Как ни банально звучит, но память словно кино запустила. Мелькают кадры один за другим, возвращая даже в те дни, о которых лучше бы забыть...

Она вздрогнула от неожиданно резкого, громкого ответа подруги и, открыв глаза, удивленно посмотрела на неё.

— Нельзя забывать, Эля! Ничего нельзя забывать: ни дня, ни часа, ни минуты! Чтоб не повторилось никогда! Я сейчас! — Ивановна решительно поднялась из-за стола, раздвинула портьеры и вышла в соседнюю комнату.

До оставшихся за столом донеслись звуки выдвигающихся ящиков, шелест бумаг.

— Вот! — возвратившись назад, она положила на стол перед Сикорским маленький фотоснимок, вставленный в самодельную бумажную рамку. — Эрастовна, и ты взгляни.

Та, глядя на снимок, прошептала, волнуясь:

— Да, да...

— Это мы с Элей перед самой эвакуацией, — пояснила Ивановна.

— Смешные какие, — Грызлова, поднявшись со стула, тоже рассматривала фото через плечо Сикорского.

— Смешные... — неожиданно вместе повторили за нею Ивановна с Эрастовной.

Со старенького снимка глядели в будущее прижавшиеся друг к другу худенькие девочки в одинаковых светлых сарафанчиках и светлых же плетеных сандалиях на босу ногу. На коленке у той, что была с тёмной длинной косой, видна большая ссадина.

— Помнишь, как я коленку разбила, когда за тобой бежала, потому что брат меня торопил? — обратилась к подруге Ивановна и пояснила остальным: — Он тогда всех соседей фотографировал, ну и нас тоже. Как его фотоаппарат-то назывался? Надо ж, запомнила.

— «Смена», кажется, — отозвалась Эрастовна. — А эти сарафаны, помнишь, Лена, нам с тобой твоя бабушка сшила буквально за пару дней до войны?

— Да, двоюродная бабушка Соня. Она у нас в то лето гостила. Из Ленинграда приехала. Ещё шутила, что, мол, к нам «на природу» выбралась. А как про войну объявили, сразу к своим назад вернулась. Все они там в блокаду и умерли...

— И нас с тобой в то лето судьба разбросала в разные стороны, когда наша семья уехала в эвакуацию в далёкую Алма-Ату, — тихо добавила Эрастовна.

6

У Ивановны сложилось иначе. Отец и старший брат ушли на фронт, а они с мамой не сразу решились, но всё же отправились в Крым к отцовской сестре.

— Только не добрались мы до Крыма-то. Ехали на перекладных. В Рязани застряли. Там наш эшелон отдали военным, и мы с мамой остались ждать любой другой возможности продолжить путь. Дождались только к октябрю.

— Ты мне об этом никогда не говорила, — удивилась Эрастовна.

— А чего было рассказывать, Эля? Хорошо, что у мамы знакомая в Рязани нашлась, у неё и пережидали. И трудно жилось, и голодно. Перебывались как могли. Обрадовались, когда наконец получилось сесть на поезд. Только недалеко уехали-то. Ну, ты-то знаешь, что поезд наш фашисты разбомбили.

И вновь память Ивановны «закрутила кино»... Она — теперь уже очень пожилая женщина — физически почувствовала, как резко затормозил их состав в тот роковой памятный день. Как в общем вагоне, до отказа набитом людьми, возникла суeta. Кто-то от резкого толчка упал на пол, люди поднимались, потирая ушибленные места. Кто-то хватался за устроенные на полках пожит-

ки, собранные наспех. В середине вагона плакал младенец... Совсем близко от их вагона внезапно раздался заглушающий все остальные звуки ужасный вой моторов и... гром!

Люди бросились к окнам и увидели, как в небесной лазури, словно голодные злобные вороны, носятся прямо над поездом чёрные самолёты, выпуская из своих брюх безобразные страшные «груши».

«Бомбы! Все вон из вагона!» — услышала Лена чей-то резкий вопль.

Возникла паника. Люди, не отдавая себе отчёта, бросились к выходам. Давка... Кровь... Стоны... И взрывы, взрывы, взрывы!..

— Мама так и не узнала, что Крым-то к тому времени уже оккупирован был. Она... погибла, — глухо произнесла Ивановна и, резко встав, вышла в соседнюю комнату.

До оставшихся за столом донеслись её приглушённые всхлипывания.

Грызлова поднялась со стула и хотела пойти вслед за Ивановной, но Эрастовна остановила:

— Не нужно, Анечка! Не мешайте. Пусть поплачет. У Леночки ведь вся семья в войну погибла. Про маму она вам сама рассказала, а я скажу, что отца с братом убили на фронте. Оба воевали в одном полку. Под Сталинградом это случилось.

И вновь в комнате повисла тягучая тишина, которую каждый из присутствующих боялся нарушить неосторожным движением или даже громким вздохом. Лишь старый будильник из своего угла по-прежнему бесстрастно и настойчиво вбивал в мозг: «Тик-так... Та-ак... Так! Так!»

Внезапный порыв ветра, запутавшись в кружевной оконной занавеске, громко брякнул о раму раскрытой оконной створкой. Словно рука кого-то невидимого решительно постучалась в нутро дома, разорвав тягостную тишину.

— Но как Елена Ивановна здесь, на Владимирщине, оказалась? — тихо поинтересовался у Грызловой Сикорский.

— Меня сюда Гриша привёл, мой будущий муж. Он был на три года постарше и тоже в том поезде ехал. У него тогда старшая сестра погибла. Так судьба нас и свела, — говорила Ивановна, незаметно для остальных возникшая в дверном проеме комнаты; она стояла в дверях, прислонившись к косяку, чтобы не упасть.

Как порой бесцеремонно и безжалостно память возвращает человека в свои лабиринты! Вот и теперь, ухватив Ивановну за самое сердце, перетащила ее в тот ужасный день, к тем искорёженным взрывами вагонам.

— Ложись, дура! Чего застыла, как статуя? — Кто-то больно толкнул ее в спину и, навалившись, уронил на землю.

Она больно ушибла руку и беззвучно расплакалась, но послушно лежала, уткнувшись лицом в пожухлую траву, вывороченную вместе с земляными комьями ударной волной. Где-то совсем рядом ухнуло — очередной взрыв. Сердце бешено заколотилось, и... чернота.

Лена не помнила, сколько времени продолжался весь этот кошмар. Ощутила, что кто-то легонько бьёт её по щекам. Тихо вокруг. Тот же голос мягко произнёс:

— Живая! Чего разлеглась? Вставай уже. Они улетели. Меня Гришей зовут. А тебя как?

Она открыла глаза. Высокий, с короткой стрижкой, худошавый голубоглазый паренёк в малиновом свитере с разорванным правым рукавом протягивал ей руку, чтобы помочь подняться.

— Лена меня зовут, — отчего-то шёпотом ответила она, принимая помощь.

— Не бойся, малявка, — добродушно похлопал по плечу Гриша, при этом поглядывая на дыру на своем рукаве.

— Я не малявка! Мне вчера уже двенадцать лет исполнилось! — опять прошептала она, не в силах справиться с волнением, и насупилась, сердясь как на паренька, так и на саму себя.

— Да уж, взрослая! — примирительно проговорил Гриша и улыбнулся светло, добродушно.

И она немного успокоилась.

Потом они вместе долго искали своих: она — маму, он — сестру.

Нашли...

— ...Лена, тебе плохо? — встревоженный голос Эрастовны вернул её обратно в день сегодняшней.

— Ничего, Эля, ничего... Так о чём это я... Как сюда попала? В этом селе у Гриши бабушка жила. К ней он меня и повёл, — возвратилась к столу Ивановна и тяжело присела на своё место.

— Как это повёл? — Сикорский непроизвольно приподнял брови от удивления.

— И я не поняла, — Грызлова нервно заёрзала на стуле.

— Ну, ты даёшь, Анна! А ещё Тимофеевна, а ещё глава этой... как её... администрации, — сквозь слёзы пыталась пошутить Ивановна.

— Не придирайся к девочке, Лена. Она же молоденькая ещё и знать этого не может. Войну, к счастью, только в кино и видела. — Эрастовна опять взяла в руки чайную ложечку, стала нервно перебирать пальцами по её поверхности. — Анечка, вы даже представить не можете, как тогда сложно было попасть в поезд. Практически все эшелоны или на фронт шли, или перевозили заводское оборудование в тыл. А ещё так много людей ехало в эвакуацию, что все вагоны были переполнены. Да и военные строго наблюдали за всеми перемещениями штатских.

Ложечка из рук Эрастовны беззвучно вернулась на блюдо.

Ивановна поморщилась, как от зубной боли:

— Не то, Эля, не то... Мы с Гришей после той ужасной бомбёжки нашего поезда даже проситься в любые вагоны боялись. Вот и пошли пешком.

— Сотни километров — пешком? — изумлённо переспросил Сикорский, торопливо делая пометки в своём блокноте.

— Сотни, милоч, сотни... Иногда, конечно, телеги по пути попадались, машины... Кто-то подхватывал нас, а кто-то и прочь гнал. Люди-то разные встречались в дороге, у всех своя беда, своё горе, правда тоже своя...

— Елена Ивановна, как гнали прочь? — Грызлова от волнения даже привстала со стула.

— Чего ты, милая, удивляешься-то? Война — испытание, и отношение к этому случалось видеть разное. Человек человеку — рознь. А в войну настоящая людская порода у всех наружу и повылазила. Да я никого не осуждаю. Время-то страшное! У всякого тогда беды столько случилось, что не всегда до чужой. Тут никакого душевного тепла не хватит, ведь ребятни беспризорной в войну по дорогам имелось пруд пруди. Много нас тогда таких-то было... Хотя, верно, сердечного люда больше встречалось, врать не стану. И помогали, и

подкармливали, — Ивановна резко утерла ладонями мокрые от слёз щёки. — Ну, шли мы, значит, шли да пришли уже в январе сорок второго. По пути... э-э... повоевать довелось немножко.

— Как это — повоевать? В двенадцать лет? — Грызлова от столь неожиданного известия буквально вскочила со стула. — Выходит, вы у нас фронтовичка? Но за все эти годы ни словом, ни намёком... Как же так? Мы же...

— Успокойся, Аня! Сядь! — Ивановна строго, как школьная учительница, посмотрела на Грызлову, а когда «приказ» возымел действие, скромно добавила: — Чего зря болтать... Какая там фронтовичка. Попартизанили-то мы с Гришей моим всего ничего... До его ранения.

— Где попартизанили? В наших краях? — никак не могла успокоиться Грызлова.

— В Подмосковье. Пока сюда добирались, набрели на партизан. Они в дозоре были — дядя Миша и Колька. Оба из Москвы. Кольке тогда четырнадцать только стукнуло, а дядя Миша — старик. — Ивановна неожиданно для всех тихо засмеялась.

— Лена, что с тобой? — встревожилась Эрастовна.

— Всё в порядке, Эля, не волнуйся. Просто, понимаете, гости дорогие, мне вот что подумалось: дяде Мише тогда всего-то сорок годочков было, но в отряде его называли стариком. Вот сижу и с высоты своих лет только теперь понимаю: какой же он старик-то? Эхе-хе...

Ивановна вздохнула и еле слышно запела:

*— Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьется пыль под сапогами —
степями,
полями,
А кругом бушует пламя,
Да дули свистят...*

Добавила:

— Правильная песня...²

7

Дороги войны... Разными они были — то пыльными, как в песне, а то и вязкими в весеннюю распутицу или осеннее непогодье, холодными в зимнюю стужу и непроходимыми среди болот или лесных чащоб.

«Тик-так... Так, — настойчиво подтверждал из своего угла старенький будильник. — Так... так...»

Ивановна ещё что-то хотела сказать, но не успела. С улицы в окно дома постучали. Эрастовна, сидевшая поближе, вышла из-за стола и, подойдя к окну, выглянула во двор, приподняв занавеску. Там стоял Генка Силушкин, весь запыхавшийся, и утирал рукавом старенького летнего пиджака мокрый от пота лоб.

— Грызлова у вас? Её в управе ждут. Сказали, мол, быстрее надо! — очень громко затараторил он.

— Геннадий, зачем так кричать? Заходите в дом, мы вас чаем напоим, — пригласила Эрастовна.

— Благодарствую. Вдругорядь. Щас Тимофевну в управе ждут очень. Я ж бегом, чтоб, значит, это, поторопить...

— Что-то случилось? — разволновалась Эрастовна.

Пока Силушкин собирался мыслями, чтобы сформулировать нужную информацию, к окну подошла и сама Грызлова. Пристально посмотрев на взъерошенного Генку, она спросила:

— Зачем ты нагнетаешь? Кому и для чего я понадобилась так срочно, ведь предупреждала, что занята с гостем? Не каждый день к нам корреспондент из газеты приезжает. Что стряслось?

— Дык я чего... Секретарша ваша Лизка меня направила, мол, беги во всю мочь. Мол, Тимофевну к телефону... там, мол, этот... губернатор срочно ждёт.

— Губернатор? Меня? — Грызлова была обескуражена и растеряна.

На помощь пришёл Сикорский:

— Анна Тимофеевна, поспешите. Губернатор по пустякам не звонит. Наверняка что-то значимое.

– Я... Вы...

– Видите, какая вы у нас важная, Анечка. Сам губернатор ждёт. Идите, дорогая. – Эрастовна улыбнулась.

От этой её по-матерински тёплой улыбки Грызлова как-то сразу успокоилась. Она поспешно вышла, крикнула уже на бегу:

– Я быстренько. Только узнаю, в чем дело, – и сразу назад.

Эрастовна смотрела вслед удаляющимся по дороге Грызловой и Генке Силушкину до тех пор, пока оба не скрылись из виду.

– На моей памяти такой звонок впервые. Надеюсь, что ничего страшного не случилось. – Было видно, что она всё же встревожена.

Не по себе было и Ивановне, но Сикорский постарался успокоить старушек:

– Уверен, что этот звонок – обычный рабочий момент. Возможно, какая-то сводка с показателями срочно понадобилась. Не переживайте, пожалуйста. И... мы можем продолжить?

Ивановна заметила, как гость украдкой взглянул на часы:

– Торопишься, милоч?

Сикорский смутился:

– Не то чтобы... Последний автобус в город через час уходит.

Сикорский тут же пожалел о сказанном. Он опять вспомнил своего наставника Мамонта – Владлена Петровича Измайлова, который считал самым важным в разговоре с людьми терпение. «Никогда, слышите, Саша, никогда не торопитесь, – говорил он. – Если есть возможность, то заранее очень деликатно оговаривайте с человеком временные рамки беседы. Но и здесь по обстоятельствам. Чувствуете, что вам доверяют и собеседнику ещё есть что сказать, – не спугните, даже если вдруг торопитесь по своим делам. Работа и людское доверие, на мой взгляд, выше личных обстоятельств, если, конечно, они не касаются угрозы здоровью и жизни вашей и близких».

Вспомнил Сикорский и Киселя. Редактор часто на планёрках давал взбучку и ему самому, и коллегам-журналистам, когда в дело вмешивалась ненужная спешка хоть в общении, хоть в написании текстов. Кисель каким-то чудом всегда мог понять, что заметка или статья написаны именно второпях.

– Куды спешил, бедолага? Премия карман жжёт? Вот и не увидишь её, родимую. На будущее учти: тише пишешь – качественнее текст, – перефразировав общеизвестную поговорку, сердился Кисель.

«Болван ты, Саша!» – мысленно выругал себя Сикорский и уже вслух вновь обратился к старушкам:

– Извините меня, глупость сморозил. Главное – ваши воспоминания!

– Ты не волнуйся, милоч! Аннушка наша тебя на своём авто в лучшем виде доставит куда надо. Она у нас знаешь как гоняет на своем «жигулёнке»! – улыбнулась Ивановна.

– Спасибо!

8

«Тик-так... Так... Так...» Годы, дни, часы, минуты, секунды... Мгновения... Космический метроном человеческих жизней и судеб отсчитывает, кому и сколько отведено минут или лет. Какими они будут?..

События, даты... Память сортирует их по какому-то персональному порядку, неповторимому, как отпечатки пальцев. «Тик-так... Так... Так...»

– Лена, чайник совсем остыл. Я подогрею. – Эрастовна пошла хлопотать к старенькой двухконфорочной электроплитке, установленной рядом с посудным шкафчиком.

– Щас вернусь, – сказала Ивановна и вышла из дома во двор.

– Она за вареньем в погреб. И, поверьте, Лена не каждого угощает своим фирменным – из шишек с орехами. Вы ей понравились, – вновь светло улыбнувшись, по секрету сообщила Эрастовна.

– Я тронут! – взволнованно выдохнул Сикорский.

Воспользовавшись небольшой паузой, он взял свой портфель и, порывшись в его недрах, достал видавший виды толстый блокнот в серой потертой обложке. В нем Сикорский часто делал записи, которые, по его мнению, могли пригодиться в работе. И пригождались не раз.

«Спасибо Киселю. Это ведь он надоумил ещё

тогда, при нашей первой встрече, когда я только пришел в редакцию: «Не ленись, лопушок, записывай. На память надейся, а «копилочку» регулярно заполняй! Ну, чего смотришь? Топай, твори». И, как всегда, стал потягивать горячий чай с лимоном из своего любимого гранёного стакана», — улыбнувшись, припомнил Сикорский, листая страницы.

Он нашёл то, что искал: «Партизанам Подмосковья пришлось действовать в условиях поздней осени и зимы. Ряд отрядов вели открытые боевые действия против германских войск. Ежедневно рискуя жизнью, партизаны собирали сведения о дислокации и перемещениях гитлеровцев, минировали и взрывали мосты, шоссе и железные дороги, вагоны с техникой, устраивали засады и обстреливали вражеские автоколонны, обрывали линии телеграфной и телефонной связи противника...»

Погруженный в чтение, Сикорский не заметил ни возвращения одной хозяйки, ни того, что другая уже разливала свежезаваренный горячий чай по чашкам. Он отреагировал только на голос Ивановны:

— Попробуй, милок! Нигде такого не поешь. Моё фирменное, — она гордо поставила на стол небольшую хрустальную вазочку, наполненную ароматной тёмной субстанцией, изобиловавшей извилистыми половинками грецких орехов.

Варенье оказалось превосходным. Действительно, Сикорский ничего подобного в своей жизни еще не пробовал:

— Вкуснотища!

— С собой баночку дам. Семью угостишь. — Ивановна была довольна оценкой её трудов.

— Я... детдомовский, — тихо произнёс Сикорский.

— Извините нас, Сашенька. Вас ведь можно так называть? Мы не знали. Извините! — побледнев, пролепетала Эрастовна.

— Всё нормально... Товарищей угощу.

— А ты, милок, что, неженатый? — поинтересовалась Ивановна.

— Не встретил ту самую... — смутился Сикорский.

— Лена! — заёрзала на стуле Эрастовна.

— Эля, что опять не так? Я ведь любя. Ты, милок, не смущайся. У нас знаешь сколько девчат

хороших в селе. Вот сделаешь эту свою работу — и приезжай к нам снова. Я тебя мигом сосватаю!

— Спасибо, Елена Ивановна. Насчёт невесты не уверен, но приехать к вам ещё — обязательно и с большим удовольствием приеду!

— Вот и договорились...

Она замолчала. Припомнился день, когда в их партизанском отряде случилось самое настоящее сватовство. Старший брат того самого Кольки, который, находясь в дозоре с дядей Мишей, привели их с Гришей в отряд, решил жениться. Брата звали Евгением, а его невесту — Светланой. Дядя Миша организовал настоящий праздник, украсив невестину землянку сосновыми ветками и шишками. Вместе с нею там были и её подружки — молодые врачиха с медсестрой. Дядя Миша с командиром отряда в честь знаменательного события чисто побрились, повязали на рукава красные повязки — их в будние дни обычно носили дозорные — и такие вот нарядные пришли в «дом» к невесте.

Ивановна уже и не помнила всех подробностей. Свежи были только те ощущения... Ощущения совершенно мирной жизни. Многие в отряде тогда так и сказали: мол, как в мирное время. А потом Евгения вызвали в штаб и отправили на задание, из которого он не вернулся. Через два дня погибла и Светлана.

— Елена Ивановна, с вами всё в порядке?

— Да... Тут Аня говорила, что вроде мы с Гришей моим фронтовики. Чепуха. Мы и в разведке-то всего четыре раза были. Сами напросились у командира отряда. Мы ж тогда детьми были, вроде как полегче смотреть по сторонам... Только для фашистов это ничего не значило. Но три раза всё ж таки обходилось. Считали, чего у них из вооружения есть. Смотрели, где да как засели они... Ни записать, ни нарисовать ничего нельзя было. Всё запоминали. А последний раз Гришу моего сильно зацепило. Полицай из местных что-то заподозрил да и пальнул. Попал. Уйти мы от этого гада смогли, только вот на всю жизнь мой Гриша одноруким остался. Руку-то ему в госпитале по локоть отнять пришлось, иначе не выжил бы. После его ранения командир нас обоих в тыл и отправил. Сказал, мол, хватит с вас, ребята. Живите. После войны страну поднимать вам доверяю. Пока Гришу моего

лечили, я в госпитале санитаркой подрабатывала. Потом сюда, в это село, пришли. Этот самый дом нас навсегда и приютил...

Она рассказала, как окончила здесь восьмилетку, как поступила в городе в аграрный техникум и вернулась в ставшее родным село уже агрономом, как тяжело, голодно и холодно жилось в послевоенное время.

— Всё на женских плечах было. Мужиков-то скольких война сгубила! А кто вернулся, так израненный да хворый... Вот бабы и надрывались с утра до ночи, но всё превозмогли. А вы чего теперь натворили, молодые?! Советский-то Союз где? Э-хе-хе... — Ивановна достала из недр кармана своего платья носовой платок и вытерла им губы, а потом нервно стала скручивать в жгут.

Помолчав немного, она припомнила собрание, когда колхозники выбрали её — тогда девятнадцатилетнюю девушку — своим председателем.

— До самого выхода на пенсию меня не переизбирали. Так и руководила от зари до зари колхозом-то. А как накрылись коллективные хозяйства, так теперь вот Эрастовной руковожу, — сквозь слёзы улыбнулась она, возвращая носовой платок в недра кармана платья.

— Григорий — ваш муж? Как вы поженились, как жили? — спросил Сикорский, не обратив внимания на знаки, которые ему пыталась тайком показать Эрастовна, прикладывая указательный палец к губам.

— А это уж не твоё дело, милоч! Не люблю я про личное-то. Некрасиво это! — построжила гостя Ивановна.

«Ну что ж ты, Сашок, делаешь, осёл самоуверенный. А ещё уверовал, что научился слушать и слышать, как учил Мамонт — незабвенный Владлен Петрович Измайлов. Наехал из города! Подробностей семейной жизни тебе подавай. Э-эх!» — мысленно ругал себя Сикорский.

«Тик-так... Так... так...» — ехидно дразнил из своего угла будильник.

Возникшую неловкость Ивановна скрасила сама:

— Сколько ж мне о себе-то рассказывать? Вон Эрастовна всё отмалчивается. А ведь и ей досталось!

— Да, Елена Ивановна! Ещё только одно: День Победы, каким вы его запомнили?

— А у меня их два: девятого и десятого мая. С сорок пятого так и отмечаем дважды.

— Это как? — удивился Сикорский.

— Да просто всё. Девятого, когда в село радостная весть пришла, я на самом дальнем стане была. Там трактор сломался, а посевная не ждёт. Ну ремонт, то да сё... Десятого я вернулась, а тут такое! И смех, и слёзы... Всё вперемежку. Правильно в песне-то поётся, что это радость со слезами на глазах. Сколько народу сложили голову на войне... Всех их и поминали. Ну и радовались, что фашистским гадам хребет переломили, с родной земли нашей прогнали. Такое разве забыть? Всё, милоч, хватит! Передаю эстафету Эле. Теперь её пытай.

9

— Моя очередь? — Эрастовна смущённо посмотрела на подругу. — Даже не знаю, стоит ли это вашего внимания, Сашенька. О чём, собственно, рассказать? У миллионов советских людей такая же жизнь была.

— Эля, мальчик специально приехал, чтоб записать всё. Сама меня убеждала, мол, обязательно поговорить о былом надо, а теперь что? Конечно, вспоминать прожитое трудно, но ведь и забывать-то нельзя! Что я тебе тут толкую — сама всё знаешь. Так что давай, дорогая, теперь точно твоя очередь, — уговаривала Ивановна, приобняв её за плечи.

Эрастовна, оценив поддержку, положила свои ладони поверх рук Ивановны и тяжело вздохнула:

— Право... с чего начать. В эвакуации разное случалось... Мне, наверно, повезло, что мы попали в замечательный казахстанский город Алма-Ата. У семьи, которая нас приютила, сад был прекрасный. Яблоки там росли огромные такие сорта «Апорт». Между прочим, самого древнего сорта в мире. Удивительно! Эти яблоки мне фактически жизнь спасли. Я ослабла очень и от мучительного переезда, и от стресса, от смены климата, от голода, а тут хоть фрукты в изобилии... Родители... Извините. — Эрастовна резко поднялась из-за стола и быстро вышла на улицу.

— К розам своим пошла, — пояснила Ивановна Сикорскому, с сочувствием глядя вслед подруге. — Поплачет и вернется. Цветы её успокаивают. Она мне только однажды за всю нашу долгую дружбу рассказала, что в Алма-Ате много цветов самых разных росло, но мама её исключительно розы очень любила. Тут ведь как получилось: родители Эли ещё в дороге какую-то инфекцию подхватили. А с лечением в эвакуации худо было — ни лекарств, ни ухода. За год оба и угли. Вот Эля с тех пор, кроме роз, других цветов и не признает. В память о родителях, о маме своей садит их повсюду.

«Тик-так... Так», — из своего угла будильник снова монотонно подтверждал её слова. Ивановна, встав из-за стола, отошла хлопотать у кастрюль на плитке. «Тик-так... Так», — продолжал будильник, бесстрастно унося в прошлое секунду за секундой.

Вернулась с дом Эрастовна. Присела рядом с Сикорским и, чуточку помедлив, призналась:

— То далёкое и страшное время мне часто снится. Яблоки алма-атинские... Даже их аромат помню до сих пор. Поела бы с удовольствием, только не продают такие здесь, — она вдруг засмеялась как-то совсем по-детски. — Сашенька, вспомнилось, как мы с соседскими ребятами лазали по чужим садам, черешню, яблоки, абрикосы таскали. Конечно, взрослые понимали, что это баловство, но не ругали: голодно было очень. Они нас, детей, так подкармливали: делали вид, что не замечают наших шалостей. Я ещё вспомнила... По соседству с нами девочка жила — Рая, кажется. Очаровательная такая. Веселая, добрая. Она очень любила ядрышки от урюка.

— От чего? — не понял Сикорский.

— Это в Алма-Ате так называли один сорт абрикосов. Хоть плоды и не крупные, но сладкие и сочные. Рая почему-то именно ядрышки любила. Разломит урючину, мякоть мне отдаст или ребятам, а сама косточку камнем разобьёт, ядрышко вынимает и ест. Абрикосовые зёрна не миндаль, конечно, но сытные.

— Тепло у вас там, в эвакуации, было. Абрикосы, яблоки... А у нас тут зимы стояли суровые. Только печкой и спасались в стужу. — Ивановна задумчиво вытирала руки кухонным полотенцем.

— Это летом тепло, Лена, а зимой — холод. Я помню, что у мамы Айши буржуйка была. Около неё все и собирались. Плечом к плечу. Так и грелись.

Эрастовна медленно что-то стала чертить в пространстве пальцем, а потом, заметив недоуменный взгляд Ивановны, улыбнулась виновато и продолжила:

— Странная конструкция — эти буржуйки. Понимаете, это такая штука металлическая с трубой наружу, в форточку. Наверняка, Сашенька, в фильмах видели, но не знаете, что, пока её топишь, вроде тепло. А как только дрова сгорели, в трубе, что дым отводила, возникло обратное действие — снаружи в жильё уже холод задувало. Круговорот...

— Да уж... Мы в войну, да и после не знали, ни что такое тепло, ни что такое нормальная еда. Вот готовлю сейчас, а сама вспоминаю, как сильно тогда, в послевоенные годы, наваристого супа хотелось. Где ж взять-то было?.. Даже огрызки разные искали и ели. Только хлеб не бросали, как сейчас. Хлеб — святое! А если удавалось добыть сухарик, так водой размочишь и ешь, как будто вкуснее и нет ничего. Как говорится, кишку набила — и хорошо. И никакой брезгливости-то не было, — вздохнула Ивановна, возвращаясь за стол, затем обратилась к Сикорскому: — Слушай, милоч, ты, наверно, знаешь, читал ведь, что в блокадном Ленинграде хранились тонны злаковых разных, клубни картофеля — семенной фонд института растениеводства? Это же всё еда! Только люди ценой своих жизней спасали народное достояние и от морозов сорокаградусных, какие тогда стояли, и от крыс. Сами от голода умирали, а ни зёрнышка, ни клубня не съели! Это преподаватель наш рассказывал, когда я в техникуме на агронома училась. Сейчас многие и не поверят, поди, что такое вот нашему поколению перенести довелось... Но это было!

— Да, героического вы поколения. Одно слово — победители! Извините, Элина Эрастовна, я хотел уточнить: мама Айша — это кто? — отрываясь от своих записей, спросил Сикорский.

— Элю казахская семья как родную дочь воспитала. Они её и выучили на учительницу, — видя, как тяжело дается Эрастовне это воспоминание, помогла подруге Ивановна.

А та, справившись с волнением, сама добавила:
 – Эти люди стали мне настоящей семьей. Мама Айша, её младший брат Сержан и две её пятилетние дочки – двойняшки Айгуль и Бибигуль. Сержану тогда было двадцать два года. Из-за слабого здоровья его на фронт не брали, но он всё ходил и ходил в военкомат. Добился своего, потому что немецкий язык очень хорошо знал. В сорок третьем ушёл на войну и не вернулся. Погиб в Берлине за три дня до Победы. Мама Айша как похоронку получила, так за один день и поседела, а ведь ей тогда всего тридцать три года было...

Все опять умолкли, не сговариваясь. В комнате было так тихо, что, помимо будильника, стало слышно, как тикают и наручные часы Сикорского. И в это тягучее тиканье ворвалась вдруг барабанная дробь в окно. От неожиданности все дружно вздрогнули.

– Душечки мои, кто дома есть? У меня до вас дело, – прозвучал с улицы приятный мужской голос.

Ивановна, узнав голос, подошла к окну. Выглянула убедиться, что не ошиблась.

Во дворе стоял седовласый крепкий мужчина лет шестидесяти с синей сумкой через плечо – местный почтальон.

– Напугал, Власыч! Чего так стучать да кричать-то! Какое такое дело у тебя?

– Слышал, Грызлова у вас. Ей тут письмо важное. С гербом каким-то. Тимофевна, ты где там, оглохла, что ли?

– Говорю ж тебе, не кричи. Анна в управу побежала. Там ей сам губернатор звонит.

– Губернатор? Ого! И как я теперь? Если в управу пойду – по всем другим адресам не успею. А люди ждут: кто – пенсию, кто – телеграмму, газеты опять же...

– Так ты оставляй у нас письмо-то. Анна вернётся – передадим ей прямо в руки, не сомневайся.

– Вот выручишь, Ивановна, душечка! Держи. Эрастовне – моё почтение. А я побежал.

Почтальон отдал ей небольшой пухлый конверт и быстро поспешил делать то, что хотел: разносить корреспонденцию по адресатам.

– Смешной он, наш Власыч, вечно торопится как на пожар, – добродушно проворчала Ива-

новна, присаживаясь на стул, положила на крайшек стола предназначенное Грызловой письмо.

– Как странно, – тихо сказала Эрастовна, пристально глядя на конверт.

– Что странно? – не понял Сикорский.

– Письмо. Сейчас люди практически перестали писать друг другу письма. Но это печально. Я как учитель русского языка и литературы считаю, что писать письма очень важно. Эпистолярный жанр полезен тем, что в нём, по моему мнению, есть самое важное – труд и душевная теплота. Ведь когда один человек пишет письмо другому человеку, он вольно или невольно начинает обдумывать содержание, старается не допускать ошибок, работает над почерком. Одним словом, идёт большая умственная и душевная работа. А ещё важнее, что письма дарят возможность не только вернуться в прошлое, но даже... потрогать его. Открываешь конверт, достаёшь письмо, написанное пару десятилетий назад, читаешь... и окунаешься в то время, прикасаешься к нему в буквальном смысле. Ох, что это я! Извините, Сашенька, профессиональная деформация. Воспринимаю многое как страницы школьной ученической тетрадки. Только успевай переворачивать, и на каждой свои события, свои даты... Зато оценки ставит не учитель, а сама жизнь.

«Тик-так... Так», – опять поддакивал старенький будильник из своего угла. Но Эрастовна уже не слышала его. Неведомая временная спираль резко и без спросу переместила её в уральский город Карпинск, куда она приехала по направлению райкома за производственным стажем перед поступлением в институт. Во времена СССР посылать студентов на подобную практику из одной республики в другую было обычным делом.

О тех днях вспоминать не хотелось. Но так уж устроена наша память: хранит события, часто помимо воли воспроизводя их в мельчайших подробностях так, что от боли перехватывает дыхание.

Карпинск. Именно в этом послевоенном городе настигла Эрастовну любовь. Неожиданная и запретная. Здесь на карьере уральского рудоуправления довелось ей работать... на экскаваторе. Несмотря на то что она была юной и хрупкой, руководство карьера направило Элину Эрастовну Антакольскую именно на экскаватор; спорить не

стала и уже через две недели стажировки вполне сносно справлялась с этой машиной сама.

Ежедневно на карьер привозили на работы пленных, среди которых были и поляки. Один — высокий красавец с густыми слегка вьющимися волосами, обрамляющими бледное, с тонкими чертами аристократа лицо, и грустными карими глазами — держался чуть особняком от остальных. Работал быстро и споро, но как-то отрешённо, погруженный в собственные мысли. Вацлав — так его называли другие.

Элина влюбилась в него с первого взгляда. О взаимности и не помышляла. Во-первых, он пленный, да ещё оттуда, из-за рубежа. Во-вторых, как же она, выглядевшая как мальчишка, — всегда в брюках, к тому же подстриженная после долгой болезни под мальчика — героя довоенного зарубежного фильма «Петер»³, — могла рассчитывать не то что на любовь, а даже на простое внимание со стороны такого красавца? Уж чего-чего, а комплексов по поводу своей внешности у Элины в юности было предостаточно. Почему же? Всё очевидно: эмиграция, лишения, потеря родителей, трудное выздоровление после долгой болезни. Да и характеристика доходаги-недотроги, с которой лучше не связываться, прочно закрепилась за ней. Это Васька-маляр, известный на весь карьер сердцеед, «постарался», потому что именно от Элины впервые за свою «карьеру» ловеласа получил от ворот поворот.

— ...Пани зовут Элина? Красивое имя, — услышала она однажды за спиной бархатный баритон.

— Чего надо? — ответила резко, но, обернувшись, замерла: рядом стоял Вацлав.

— А откуда ты... вы?..

— Откуда я вас знаю? Давно увидел, и вы мне... очень нравитесь.

Они любили друг друга — торопились, понимая, что их чувство запретно в силу не только политических, но и множества других жизненных обстоятельств. Любили, но знали, что разлука не за горами. Вацлав ещё надеялся увезти Элину с собой в Польшу, но она знала, что никуда не поедет. В её жизни были мама Айша и две её дочери Айгуль и Бибигуль, она была обязана вернуться в Алма-Ату после отработки. В жизни Элины была разрушенная и разоренная войной родина.

Она всегда верила в судьбу, которая, как ей казалось, неумолимо ведёт по заданному маршруту через встречи и разлуки, через потери. Так и вышло: судьба, не церемонясь, развела их с Вацлавом жизни.

Он плакал, когда поезд, медленно разгоняясь, навсегда уносил его прочь. Молча смахивал крупные слезы, катившиеся по щекам. И смотрел, смотрел на неё, свою Элину, чтобы запомнить на всю оставшуюся жизнь.

А она не плакала. Окаменела. И потом вдруг — тук, тук... Под самым сердцем. Вацлав так и не узнал, что Элина была беременна.

Девочка родилась слабенькой. Элина надеялась, что сможет увезти дочку в Алма-Ату, но та заболела и скоропостижно ушла туда, откуда нет возврата.

«Тик-так... Так», — настойчиво и по-прежнему бесцеремонно стучался старенький будильник в самое её сокровенное, о чём Эрастовна никогда никому не рассказывала — ни маме Айше, ни единственной подруге Ивановне.

Так и не узнал никто о том, как она одна, безумная от горя, прижимая к сердцу завернутую в одеяльце свою крохотную доченьку, через весь город везла её на трамвае на кладбище, чтобы похоронить.

10

«Тик-так... Так...»

— Эля! Тебе плохо, Эля? — спохватилась Ивановна.

— Что с вами, Элина Эрастовна?

— Я где-то слышала — не помню, где именно, — такую фразу: «И лишь ожесточиться душе не позволяй». Как верно сказано. Не дай бог всем нам ожесточения. Ведь и войны, в сущности, именно от этого случаются: из-за недопонимания и жестокости между родными, соседями, целыми народами... Войны, они разлучницы. С неумолимыми «до» и «после». — Эрастовна говорила как бы сама с собой, отчётливо и горестно.

Ивановна с Сикорским притихли и переглядывались, не понимая, как быть: продолжить разговор или подождать. Чего? Ивановна, зная о

большом сердце подруги, ещё и терзалась сомнением — не стоит ли вызвать врача?..

— Всё в порядке, Лена, не волнуйся, — «вернулась» Эрастовна из этих очень личных и трагических своих воспоминаний. — Э... Сашенька, извините, задумалась. Давайте продолжим. Что же вам ещё поведать?

— Элина Эрастовна, ваша подруга уже рассказала, как попала сюда, в Лукошкино. Ну а вы-то как тут оказались? — направил беседу в другое русло Сикорский.

— Как Лена вам уже говорила, педагогический институт я в Алма-Ате окончила. И так сложилось, что меня там нашли родственники, о существовании которых я даже не подозревала. Москвичи. Семья крайне интересная. Четыре брата — все потомственные военные. Самый старший был генералом, второй дослужился до подполковника, третий стал адмиралом, но к концу службы он занимался делами трибунала, что ли, — я, честно говоря, в подробности не вдавалась. А самый младший из братьев служил в разведке, почти двадцать лет работал в Японии. Не знаю, как они меня разыскали. Позвали к себе. Мама Айша настояла, чтобы я непременно поехала. До сих пор жалею.

— Почему? Родные люди. Столица, перспективы... — удивился Сикорский.

На эти его слова рассмеялась Ивановна:

— Чудак-человек! Да ты, милоч, Элю плохо знаешь. Что ей эти твои перспективы? Она делу своему, детям предана всем сердцем. Остальное для неё не имеет значения.

— Не совсем так, Лена, многое имеет значение, но дети, да, — это самое главное. Самое! И мне, даже не знаю почему, хотелось учить их именно в глубинке, подальше от столицы. А родственники... При всём уважении мы так и не стали близкими. Они замечательные, добрые люди, но не сложилось. Вы меня понимаете?

— В общем-то, да, Элина Эрастовна. Но чего я так и не понял, почему вы до сих пор сожалеете о том своём решении побывать в Москве?

— Да потому, Сашенька, что именно тогда я потеряла связь с мамой Айшой и её дочками. Сначала ещё переписывались. Потом они переехали куда-то, да и я уехала из Москвы. До сих пор не

знаю, как их дальнейшая жизнь сложилась, и это мучит, если честно.

— Ну, а что ваша московская родня? Не возражали?

— Я у них недолго пожила. Они были приветливы и предлагали остаться насовсем, но мне, повторюсь, хотелось учить детей подальше от столицы.

— А Гатчина... Не было возможности вернуться в родной город?

— Это, Сашенька, очень больно... Поэт Геннадий Шпаликов написал такие строки:

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне...*

— И добавить нечего, — заключила Элина Эрастовна.

— Вот подружку-то мою по её, значит, настоятельной просьбе поначалу во Владимир направили работать. Но Эрастовна заявила: на селе учителя больше нужны. И приехала именно сюда, в Лукошкино, по путёвке районо... Здесь мы и встретились снова. Судьба!.. — бережно обняв подругу за плечи, улыбнулась Ивановна.

— Судьба... Извините! — тихо повторила Эрастовна и вновь, встав из-за стола, стремительно вышла во двор.

— Ещё чайку? — Ивановна, не дожидаясь ответа, наполнила свежесваренным ароматным напитком не пригодившуюся ранее пустую чашку, стоящую на столе, — даже не заметила, что чашка Сикорского полна.

Дальше, взяв из соседней комнаты шаль, Ивановна поспешила на улицу к подруге, бросив на ходу:

— Пей, милоч! Я щас.

Она вышла, а Сикорский, подойдя к окну и недолго понаблюдав, как подруги тихо переговариваются, одёрнул сам себя: «Нехорошо, Сашок! Получается, что ты подглядываешь. Иди-ка, милоч, пей чаёк!»

11

— Прохладно, Эля, накинь, а то спину застудишь и замаешься, как давеча. — Ивановна заботливо набросила на плечи Эрастовны предусмотрительно захваченную из дома шаль.

— Спасибо, Лена. Неудобно получается. Сашенька приехал работать, а я... Уж очень сложно это всё для меня оказалось.

— Конечно, сложно, Эля. Не сказки рассказываем. Жизнь-то прожита непростая... Ничего, Саня — парень правильный. Всё понимает. А знаешь...

Ивановна не успела договорить. Их беспешный разговор прервал громкий птичий стрекот. Не сговариваясь, старушки обернулись. На ветке раскидистой яблони, у которой они стояли, сидела крупная сорока. Её перышки слегка поблескивали в лучах побледневшего вечернего солнца, уже засобиравшегося на покой. Сорока, примолкнув, смешно крутила головой из стороны в сторону, будто готовилась к чему-то важному.

— Эй, белобока, не иначе весть какую нам принесла? — улыбнулась Ивановна, обращаясь к неожиданной пернатой гостье.

Птица, похоже, поняла, что её заметили, и стала удивительным образом поднимать свой веероподобный хвост — перпендикулярно ветке, на которой сидела. При этом птица издавала пронзительные гортанные звуки.

— Отвечает, — улыбнулась и Эрастовна.

— Кто отвечает? Кому? — прозвучал за спинами женщин голос Грызловой.

Увлечённые сорокой, подруги не заметили её появления. А та, не дождавшись ответа, спросила:

— Наш корреспондент где? Неужто уехал?

— Чай пьёт. Умаялся парень с нами. Даже на автобус вроде как торопился, нервничал. Ну, мы ему и пообещали, что Анна, мол, наша отвезёт в город. Отвезёшь ведь? — Ивановна явно волновалась.

— Все правильно сделали, дорогие мои. Конечно, доставлю в лучшем виде нашего гостя куда ему надо. А я вам добрую весть принесла!

— Вот и не верь в приметы, — снова улыбнулась Эрастовна, опять посмотрев на сороку.

Та, в очередной раз махнув хвостом и громко стрекоча, улетела восвояси.

— Попрошались, — засмеялась Ивановна.

— Стало прохладно, — поёживаясь и плотнее укутываясь в шаль, Эрастовна позвала всех в дом.

— И верно, милоч-то наш заскучал, поди. Пошли, Тимофевна. — Ивановна решительно потянула за собой и Грызлову.

Дружно войдя в комнату, они обнаружили Сикорского за работой: он что-то быстро писал в своём блокноте, но, увидев женщин, поднялся им навстречу.

— Я уж переживать начал, но, вижу, зря. Анна Тимофеевна, с возвращением!

— Ты чего вскочил-то? Садись, щас ужинать будем, а то все чай да чай. Баловство. Усаживайтесь. Эля, наливочку достань! — скомандовала Ивановна и принялась собирать трапезу.

Когда всё было готово, она разлила ароматную фруктовую жидкость насыщенного бордового цвета по хрустальным рюмочкам и, протягивая Грызловой её порцию, уточнила:

— Тимофевна, ты с нами или при исполнении?

— Я за рулем! Машину за углом припарковала.

— Грызлова наполнила пустую чайную чашку вишнёвым компотом из банки, предусмотрительно откупоренной Ивановной, и подняла в руке для тоста. — Всем здоровья! Душой я с вами, тем более повод такой замечательный.

— Что за повод? — спросил Сикорский.

Грызлова улыбнулась ему и обратилась к старушкам:

— Дорогие мои Ивановна и Эрастовна, вы же ещё не знаете, что сказал мне губернатор по телефону. Елена Ивановна, родная вы моя! Губернатор рассказал, что и вас, и мужа вашего Григория Петровича — светлая ему память! — долго разыскивали по всей стране.

— Зачем, интересно, искать нас? — Ивановна от волнения залпом выпила содержимое своей рюмки и, уже опустошенную, поставила её на стол.

— Оказывается, командир вашего партизанского отряда ещё в годы войны представил вас обоих к награждению медалями «За отвагу». Но он погиб в сорок четвёртом, так и не узнав, что награды были присуждены. А кроме него, как оказалось, никто не помнил, что вы жили здесь,

в Лукошкине. Понятно, что время для поисков было тогда неподходящее. Потом документы потерялись, и вот только недавно в архивах Министерства обороны их нашли.

— Через столько лет!.. — не удержался от реплики Сикорский.

Ивановна была поражена новостью. Она машинально поднялась, да так и стояла, не двигаясь.

— Присядь, Лена. — Эрастовна, придержав подругу, усадила её на стул. — Я тебя поздравляю, дорогая моя! Жаль, Гриша недожил, светлая ему память.

Ивановна, стараясь скрыть предательски выступившие слёзы, уткнулась лицом в плечо Эрастовны. Они сидели так и молчали.

«Наискосок, — внезапно подумалось Сикорскому. — Наискосок войне, горю и невзгодам, наискосок всем преградам. Судьбе наискосок!..»

Молчание прервала Грызлова.

— Я понимаю, как это неожиданно и волнительно, только это ещё не все новости. Элина Эрастовна, а вы когда-нибудь работали в Карпинске?

— Да, — прошептала та, побледнев. Уж чего-чего, а такого вопроса она явно не ждала.

— Вас тоже запоздало, но нашла награда. Карпинское рудоуправление присвоило вам звание «Ударника труда». Там музей организовывали, послевоенные архивы перебирали, ну и нашли.

— Мистика какая-то. Чего только в жизни не бывает, — не удержался Сикорский.

— Ты никогда не рассказывала о Карпинске. — Ивановна удивленно смотрела на подругу.

— Я не могла, Лена, и... не могу... Слишком больно, слишком непоправимо. Да и время, увы, не лечит.

А Грызлова продолжила:

— Ещё губернатор сказал, что придет лично вручать награды, но не один. Приедут с ним областной военком и депутат Государственной думы. Всем миром вас поздравлять будем!

— К чему так-то? Зачем? Нескромно это, — нахмурилась Ивановна.

— Согласна, — смущаясь, поддержала подругу Эрастовна.

— И даже не спорьте! Надо это не только вам — всем нам нужно. Молодежи на кого равняться?

Так что успокаиваемся, дорогие мои, успокаиваемся! Э... Кто-то ужин обещал, а, Ивановна? — поспешила переменить тему Грызлова.

Пока все вновь рассаживались по местам, Эрастовна протянула ей конверт, оставленный почтальоном.

— Анечка, это для вас. Просили передать.

— Письмо? Откуда? — Грызлова распечатала конверт и вынула из него ещё один конверт и небольшой листок, который бегло прочла.

— Это не мне. Это для вас, — она удивлённо протянула нераспечатанный конверт Эрастовне.

— Для меня? — изумилась та, принимая послание.

— От кого письмо, интересно? — не удержался от вопроса Сикорский, но, поняв его неуместность, смутился: — Ой, извините.

— Письмо из Караганды. Это, если не ошибаюсь, из Казахстана, — объяснила Грызлова.

Эрастовна дрожащей рукой протянула конверт обратно ей и почти неслышно попросила:

— Анечка, я не смогу... Прочтите вы, пожалуйста.

Грызлова, тоже заметно волнуясь, взяла протянутый ей конверт, распечатала и, достав из него несколько сложенных пополам тетрадных листков, стала читать вслух.

Письмо было от Айгуль и Бибигуль — дочек мамы Айши. Они писали, что много лет искали свою Элю и наконец нашли: на очередной запрос им ответили из Министерства образования России. Сёстры сообщали, что в самое ближайшее время приедут.

Эрастовна слушала и беззвучно плакала, даже не вытирая слёз, катившихся по её бледным щекам. Плакала и Ивановна. Но это были слёзы радости за подругу. Плакала вместе с ними и Грызлова.

Сикорский достал из своего портфеля фотоаппарат, неслышно встал и, отойдя в угол к посудному шкафу, на котором по-прежнему монотонно тикал старенький будильник, сделал несколько снимков.

«Тик-так... Так... Так...»

«Как странно, словно и не со мною всё это происходит, — не на шутку разволновался он. — И что же именно, Сашок, тебя так тронуло? Эти слёзы и вообще...»

Сикорский вернул фотоаппарат в футляр, повесил его на плечо и тихонько вышел во двор. Достал из кармана брюк сигареты, закурил. И от избытка переполнявших его чувств заговорил сам с собой вслух:

— Что, лопушок, задело за живое больше обычного? Столько перевидал и переслушал за свою журналистскую жизнь, а сегодня все необычно... Всё острее, больнее, важнее... Как Мамонт тогда говорил? «Когда-нибудь вы ощутите, что душа и болит, и радуется...» Вот ощутил. Правы вы были, Владлен Петрович Измайлов. В который уже раз спасибо за науку! И вы, мой уважаемый редактор Кисель, удивитесь и ощутите, когда подготовлю статью. И вы...

Он не заметил, как к нему присоединилась растроганная Грызлова:

— Пусть побудут одни. Им надо, — и смущённо спросила: — Я не помешала? Вы, кажется...

— Да, говорил сам с собою. Волнительно всё сегодня. Чудеса! Просто не верится, что вот такое случается. — Сикорский стряхнул на землю сигаретный пепел и заметил, что руки у него дрожат.

Стараясь успокоиться, сделал несколько глубоких вдохов.

Грызлова понимающе кивнула:

— Всякое бывает, Александр Михайлович. Жизнь, она вообще волшебница. Иногда так завертит сюжет... Вот уже и вашими терминами заговорила, — слабо улыбнулась она и, стараясь отвлечься, стала рассказывать Сикорскому, как завершилась в их Лукошкино эпоха социализма, как миновала перестройка и наступило новое тысячелетие, а подруги так и жили, так и трудились в селе, которое за этот долгий срок сменило свой статус с районного центра до обычной российской глубинки.

Елена Ивановна Борисова давным-давно уже не председательствовала, но всё так же претендовала на лидерство во всём: в местном хоре, в магазине или в аптеке, да и дома. А Элина Эрастовна Антакольская была по-прежнему элегантная, начитанная и почти никогда не расставалась с миниатюрным томиком особо любимого ею Пушкина. Она иногда консультировала тех, кто в этом нуждался, на дому.

Грызлова рассказала Сикорскому, почему

последние лет двадцать пять женщины жили вместе, в одном доме:

— ...Провидение сделало их вдовами почти одновременно. Дети и внуки разъехались кто куда, ведь у молодых своя жизнь. Навещают, конечно, да только редко это случается. Звали к себе, но подружки наши ничего и слышать не хотели о переезде, ведь тогда бы расстаться пришлось... В их почтенном возрасте управляться с хозяйством всё труднее. Мы помощь предлагали, но они ни в какую, мол, сами справимся. Так и решили наши Ивановна с Эрастовной доживать век вместе в одном доме, хоть по-прежнему и спорят каждый день. — Грызлова взглянула на часы: — Ничего себе, уже почти полночь!

— Да, да! — спохватился Сикорский. — Нужно дать хозяйкам отдых. Загостился!

— Им хоть этого не скажите, Александр Михайлович!

И оба поспешили в дом.

12

— Увы, пора. Спасибо вам за всё. Я очень рад, что познакомился со всеми вами. — Пока Сикорский укладывал в портфель свои редакционные атрибуты — фотоаппарат, карандаши и блокноты, женщины хлопотали, собирая ему и Грызловой гостинцы.

Анна Тимофеевна ещё утром предупредила гостя, что возражения на этот счет не принимаются, и он с благодарностью покорно упаковывал в одолженную у старушек сумку их дары: фирменное варенье, солёные огурчики, пирожки с яблоками.

— Ещё раз огромное спасибо вам, Елена Ивановна, и вам, Элина Эрастовна! — Сикорского переполняли эмоции.

— Не за что, милоч! Мы гостям всегда рады. Приезжай ещё. Обещала невесту — так найду, — энергично тряся его за руку, прощалась Ивановна.

— Обязательно приезжайте, Сашенька! — с изящным поклоном головы приглашала и Эрастовна. — И вы почаще заходите, Анечка.

— Не забывайте старух! — резюмировала Ивановна.

– Вы не старухи! – Грызлова по очереди обняла хозяек.

– А кто ж мы? – хохотнула Ивановна.

– Вы очаровательные дамы и прекрасные собеседницы! Спасибо за всё! Ещё увидимся. – Сикорский на прощанье поцеловал каждой натруженную руку.

Все вышли во двор. Чудесная летняя ночь пьянила ароматами. Светящийся лунный блин щедро делился своим таинственным мерцанием с уставшей за день землей. Вдоль улицы ярко горели лампы на столбах, поэтому было довольно светло.

Гости, помахав хозяйкам на прощание, поравнялись с калиткой и уже готовы были пройти на улицу, как до них донеслись голоса.

Грызлова и Сикорский обернулись: Ивановна и Эрастовна вновь спорили.

– ...А я говорю, здесь огурцы нужно сажать! – настаивала одна.

– Розы здесь должны быть, неужели не понятно? Это же красиво! – не соглашалась другая.

– А зимой банки с огурчиками моими – это не красиво?

– Вечно ты, Лена, наискосок!

– А сама-то, Эля, не наискосок, что ли?

На последней фразе спорщицы заметили наблюдающих за ними гостей и, переглянувшись, тут же залились смехом.

– Ой, не могу, Эля! П... подружки... Ха! На... ис... косок!

– Тише, Лена! Поздно! Соседи спят. Ха! Уже сил нет смеяться! Наискосок!..

Примечания

¹ Красногвардейск – так с августа 1929 года по январь 1944 года называлась Гатчина – административный центр Ленинградской области.

² Из песни «Эх, дороги...» (комп. – А. Новиков, сл. – Л. Ошанин).

³ «Петер» (1934) – музыкальная комедия венгерского режиссера Германа Костерлица.

Ольга Владимировна КАЙМАК

родилась в г. Семипалатинске Казахской ССР,

окончила Всесоюзный заочный институт

текстильной и легкой промышленности.

Журналист.

Член Союза журналистов России.

Лауреат и победитель

многих профессиональных журналистских конкурсов.

Пишет прозу.

В журнале «Север» публикуется впервые.

